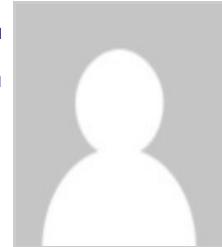

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Удинцев Г.В. Эволюция отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях // Юридические исследования. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.6.70927 EDN: AUMLFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70927

Эволюция отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях**Удинцев Глеб Владимирович**аспирант; институт международного права и правосудия; Московский Государственный
Лингвистический Университет

109472, Россия, г. Москва, ул. Ташкентская, 22

 glebunior@gmail.com[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.6.70927

EDN:

AUMLFD

Дата направления статьи в редакцию:

02-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является процесс эволюции отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний, совершаемых служащими корпораций с использованием своего служебного положения, особое внимание уделяется руководителям коммерческих корпоративных организаций. Исследуется злоупотребление служебным положением в контексте развития общества на территории современной России в дореволюционную эпоху, в период советской власти и после перестройки. Описывается развитие корпоративных и некоммерческих структур в контексте развития буржуазных отношений и переход от частной службы к национализации в советской эпохе, влияние этого факта на увеличение числа должностных преступлений. Проводится анализ влияния правовых изменений на понимание служебного преступления, включая принципы уголовной ответственности, квалификации деяний и различия в уголовно-правовой оценке злоупотреблений чиновников публичной власти и негосударственных служащих. Методом исследования

является последовательный историко-правовой анализ материального и процессуального уголовного законодательства Российской Империи, РСФСР и Российской Федерации в рассматриваемой части. Проведенный в настоящей статье исторический анализ эволюции института ответственности руководителей за совершение преступлений против интересов службы в корпорациях позволяет сделать следующий вывод: осмысление на протяжении нескольких столетий вопросов уголовно-правового регулирования ответственности руководителей корпораций привело к осознанию различной правовой природы публичной службы и службы корпоративных структурах, влекущей недопустимость единого подхода к уголовно-правовой оценке злоупотреблений чиновников публичной власти и негосударственных служащих. Несмотря на кажущееся сходство, из-за указанных различий требуется разный подход к уголовно-правовой оценке и мерам противодействия данным, несомненно, разным по своей сути деяниям. Таким образом, появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в корпорациях однозначно исторически и экономически обусловлено.

Ключевые слова:

корпорация, коммерческие организации, руководитель, служба, интересы службы, использование служебного положения, историко-правовой анализ, эволюция, уголовное право, процесс криминализации

Известный специалист в области криминологической науки Б. В. Волженкин в своих трудах неоднократно подчеркивал важность понимания основных принципов и закономерностей развития юридической науки. По его мнению, это понимание позволяет использовать веками совершенствуемые концепции, которые могут быть весьма эффективными и в контексте современных реалий [1].

Исходя из вышесказанного, в настоящей статье мы предлагаем проанализировать процесс эволюции отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний, совершаемых служащими корпораций с использованием своего служебного положения, уделяя особое внимание руководителям данных организаций.

Злоупотребление служебным положением было неизменным спутником власти на протяжении всего процесса развития общества. Что примечательно, данное явление возникало одновременно с формированием первых государственных институтов практически во всех государствах мира [2]. Несмотря на признание использования служебного положения в личных корыстных интересах деянием опасным для общества и государства, на протяжении достаточно длительного периода времени наказуемыми были подобные злоупотребления исключительно публичных должностных лиц [3].

Первые зачатки корпоративных структур на территории нынешней России возникли в XIV столетии. Примерно в это же время зародилось понятие «несостоятельности» (банкротства).

Но потребность в уголовно-правовом противодействии злоупотреблению полномочиями в сфере деятельности корпораций не была осознана вплоть до XVIII века. Это может быть объяснено тем, что российское предпринимательство долгое время развивалось в относительно простых формах, основанных на семейных связях, не требующих какого бы то ни было правового регулирования.

Так, традиционной особенностью Судебников 1497 и 1550 гг. была личная ответственность за банкротство, а отношения несостоятельности рассматривались только в связи с деятельностью купцов, поэтому правовая оценка применялась только к торговой несостоятельности — «бесхитростной» или «случайной» [4]. Данные виды несостоятельности впервые упоминаются в Русской правде и Соборном уложении 1649 года, где закреплялась ответственность за невыплату долга из-за временных финансовых трудностей должника, равно как и за преднамеренное уклонение последнего от исполнения взятых на себя обязательств [5].

Только в период с XVIII по XIX век в ходе становления буржуазных отношений под влиянием континентального права были заложены основы отечественного предпринимательства, и отношения в этой сфере получили уголовно-правовую регламентацию. Указанный период характеризуется интенсивным развитием экономики и закономерным процессом усложнения форм её осуществления: появляются коммерческие корпорации в различных отраслях экономики, параллельно в виде разнообразных обществ и союзов возникают некоммерческие корпорации, создаваемые с целью социальной защиты населения, развития науки, культуры, предоставления медицинских услуг, формируется и совершенствуется система органов нотариата [6].

Вместе с тем развивалось конкурсное производство: были приняты «Банкротский устав» от 15 декабря 1740 года, «Устав о банкротах» от 19 декабря 1800 года и «Устав о торговой несостоятельности» от 23 июня 1832 года, постепенно формировалось понимание критериев несостоятельности и принимались попытки разграничения форм легальной и незаконной несостоятельности. Все указанные законы закрепляли два вида несостоятельности: «несчастную» и «злостную» [7]. Окончательное решение о том, к какому виду относится несостоятельность, принимал суд. Несостоятельность считалась несчастной, когда должник оказывается неплатёжеспособным не из-за своей вины, а из-за внешних факторов, то есть случайно. Злостная несостоятельность ассоциировалась с ненадёжностью лица в его профессиональной деятельности [8].

Независимо от вида несостоятельности, основным критерием для признания лица несостоятельным считалась его «неоплатность», то есть недостаточность его имущества для погашения всех долгов. Для объявления лица банкротом в свою очередь требовалось наличие факта несостоятельности, подтверждённого в судебном порядке, и совершение им определённых законом противоправных действий.

Таким образом, в зависимости от действий, приведших к неспособности платить по долгам, выделяли несостоятельность как гражданско-правовое последствие, вызванное необдуманными действиями должника в хозяйственной деятельности, и банкротство как умышленные действия, направленные на сознательное неисполнение обязательств перед кредиторами. Исходя из этого, банкротство можно признать уголовной стороной того гражданского правоотношения, которое называется несостоятельностью. «Личные» и материальные юридические последствия для должника определялись в зависимости от типа несостоятельности - «безвинные» неимущие должники были избавлены от наказания, в то время как «злостным» банкротам грозила смертная казнь.

С ростом личных капиталов и формированием фондового рынка происходило расширение круга инвесторов, которые, владея долей корпорации, тем не менее, не могли напрямую вмешиваться в управление ей. В связи с этим возникла потребность в привлечении профессиональных менеджеров и правового регулирования их полномочий.

«Положение о компаниях на акциях» 1836 года регламентировало деятельность акционерных обществ, обеспечив базовую защищенность акционеров, но, увы, не содержало положений, направленных на их защиту от противоправных действий со стороны профессиональных управляющих, которым они доверили свою компанию. И потому в связи с отсутствием эффективных правовых механизмов, разного рода злоупотребления в сфере деятельности корпораций оставались практически неконтролируемыми.

Неверным будет утверждать, что в уголовном законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. полностью отсутствовали нормы, касающиеся ответственности за посягательства на интересы службы. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года предусматривалось привлечение корпоративных должностных лиц к уголовной ответственности за совершение общих преступлений.

Однако отсутствие в уголовном отечественном законе того времени самого определения должностного лица делало проблематичным квалифицировать их действия и разграничить от аналогичных преступных деяний, совершаемых государственными чиновниками. В связи с этим в Уложение был внесен ряд изменений, устанавливающих ответственность за злоупотребления со стороны персонала корпораций.

В соответствие с новой редакцией Уложения (1885 г.), «Купеческий приказчикъ или сидѣлецъ», мог подвергнуться уголовному наказанию в случаях если он: «не будет исполнять приказаній и порученій своего хозяина» (ст.1185); «приметь на себя управлениe чужими дѣлами, или возьметъ чужие товары для продажи, безъ письменного на то дозволенія своего хозяина» (ст. 1186); «безъ письменного приказанія отъ хозяина, продастъ товар въ убытокъ» (ст. 1188); «по небреженю или сіе съ злымъ намѣреніемъ повредить вѣренные ему товары или иное имущество (ст.1189); предоставитъ «ложные своему хозяину, по отправленію вѣренныхъ ему дѣлъ, представленія и счеты» (ст.1190); «промотаетъ товаръ или иное вѣренное ему имущество своего хозяина, или же сдѣлаетъ или допустить какіе либо недозволенные хозяиномъ расходы» (ст.1191).

Необходимо отметить, что уложение предусматривало уголовное наказание и для самих участников корпораций, так согласно Ст. 1199 Уложения подлежали ответственности «члены основанныхъ съ дозволенія правительства обществъ, товариществъ, или компаний за умышленное истребленіе, поврежденіе или утайку вѣренныхъ имъ отъ общества, товарищества или компаний актовъ, или имущества, а равно и за присвоеніе или самовольную растрату такого имущества».

Подлежали наказанию также биржевые маклеры, утратившие «вѣренные имъ отъ торгующихъ деньги и вексели и не удовлетворившие своего вѣрителя» (ст. 1319), биржевые нотариусы «за упущенія и злоупотребленія по исправляемой ими должности» (ст. 1324) и служащие банковъ, совершившие противозаконные действия в отношении вѣренного имъ имущества, принявшие незаконное вознаграждение или вымогавшие его.

Важно отметить, что в контексте привлечения к уголовной ответственности все перечисленные выше лица были приравнивались к чиновникам и должностным лицам государственных учреждений (ст. 1154).

Отмечая весьма казуистичный характер нормативной регламентации вопросов уголовной ответственности руководителей корпораций в Уложении 1845 года, необходимо также отметить, что именно этот документ положил начало обособлению группы преступлений, связанных с нарушением интересов службы в корпорациях, а также способствовал

решению актуальной на тот момент задачи по стабилизации промышленного и кредитного секторов экономики страны, что свидетельствует о крайней значимости этого нормативного акта для развития правовой системы Российской Империи.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1885 гг. одновременно выступало и в качестве основного источника, содержащего положения об уголовной ответственности за действия, связанные с банкротством в рассматриваемый период. Характерной чертой этих законов в данном контексте была не только дифференциация уголовной ответственности за злостное и неосторожное банкротство, но и разграничение торговой и неторговой несостоятельности. Банкротство считалось злостным, если несостоятельность была связана с умыслом или подлогом, а неосторожным в случае, если должник не мог расплатиться с долгами по собственной вине, но без умысла или подлога, например, при легкомысленном ведении дел или расточительности.

Государство продолжало оперативно реагировать на злоупотребления руководителей корпораций в условиях динамично развивающейся экономики Российской империи. Так, в новом Уголовном уложении 1903 г. был криминализирован довольно широкий перечень деяний. В частности, согласно статье 311 Уложения собственники и руководители предприятий несли ответственность за нарушение экологических норм, статья 326 касалась ответственность участников торговых или промышленных обществ, или товариществ за нарушения в сфере финансового учета и отчетности, статья 330 предусматривала уголовную ответственность руководителей предприятий за совершение незаконных операций, статья 604 предусматривала тюремное заключение для руководителей, чье халатное управление повлекло банкротство вверенного им предприятия.

В статье 599 Уложения были определены признаки неправомерного банкротства: Сокрытие своего имущества при объявлении банкротства путём умолчания или предоставления ложной информации о его наличии, выдача полностью или частично вымышленных обязательства, уменьшающего конкурсную массу, а также безвозмездная передача или сокрытие имущества после объявления банкротства и выдача полностью или частично вымышленных обязательства, а также безвозмездная передача или сокрытие иным способом имущества, до объявления банкротства, но в обстоятельствах, свидетельствующих о том, что оно неминуемо.

Важно отметить, что составы преступлений, совершаемых служащими корпораций, закрепленные отечественным уголовным законодательством этого периода, были весьма неоднородны. Это обстоятельство требовало более унифицированного подхода к установлению ответственности за такие преступления, и в некоторых случаях законодатель того времени весьма успешно с этимправлялся, например, введя в употребление обобщенное понятие «злоупотребление доверием».

Законодатель в полной мере понимал, что имущественные преступления, совершаемые в сложных экономических отношениях, ничуть не менее опасны для общества, чем обыденные посягательства на собственность, являются равной по значимости, а иногда и более серьезной угрозой имущественным правам пострадавшего по сравнению с преступлениями против вещей «*in corpore*». В связи с этим, использование служащими корпораций своего положения в ущерб интересам службы, согласно статье 578 Уложения 1903 года, влекло суворое наказание в виде заключения под стражу с отбыванием наказания в исправительном доме, а за причинение значительного вреда предусматривалась даже каторга до 8 лет. Интересно отметить значительную схожесть данной статьи с 201 статьей уже современного Уголовного кодекса Российской

Федерации.

При этом сам подход к привлечению как чиновников, так и служащих частного сектора к ответственности за злоупотребления по службе остался неизменным - как и в Уложении 1845 года, они подлежали уголовной ответственности на одних и тех же основаниях, а само понятие «служащий», используемое для обозначения субъекта этой категории преступлений, толковалось чрезвычайно широко. Согласно официальным разъяснениям, служащим считался тот, кто занимал постоянную должность или выполнял временную работу по найму как в государственных учреждениях, так и в любых частных организациях.

При отнесении определенного преступления к рангу служебного, предлагалось ориентироваться на квалифицирующие признаки самого деяния, а не на характеристику виновных лиц. При этом лица, работавшие по найму в частном секторе, во всех вопросах уголовной ответственности приравнивались к лицам, находящимся на государственной службе, так как, по мнению законодателей, в противном случае первые, имея реальную возможность совершать преступления, могли бы избежать наказания, установленного законом [9].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что на исходе XIX столетия в светлейших умах Российской империи произошло осознание того, что корпоративный сектор не может быть исключён из сферы действия публичного права, а нарушение служебного долга должно рассматриваться как преступление, независимо от того, является ли лицо, его совершившее, государственным служащим или коммерческим.

К сожалению, эффективность нововведений Уложения 1903 года так и не удалось оценить на практике, поскольку оно так и не вступило в силу, и вплоть до Социалистической революции 17-го года продолжали действовать к тому моменту устаревшие положения прошлых редакций.

После Революции, несмотря на стремление новой власти сломать прежний империалистический механизм государственного управления и построить новую социалистическую модель экономических отношений, столь масштабные изменения невозможно было осуществить в одночасье, а проблема злоупотреблений в корпоративной сфере никуда не исчезла, и борьба с ними не утратила своей актуальности. Поэтому уже в первых декретах социалистического правительства были сформулированы основные направления и принципы политики нового государства в этом направлении. Советская Россия более не знала частной службы - всеобъемлющая национализация превратила всех частных работников в должностных лиц: все торговые приказчики и фабричные рабочие, вплоть до последнего дворника, ныне являлись экономическими чиновниками, внесенными в штат государственных учреждений и получающими денежное довольствие по определенным государством тарифным планам. В результате группа должностных преступлений неизменно должна была чрезвычайно увеличиться количественно, кардинально изменить свое уголовно-политическое значение и содержание по сравнению со старым правом [10].

Таким образом, с первых дней существования РСФСР все служащие, независимо от должности, статуса организации и наличия управлеченческих функций, начали рассматриваться как субъекты должностных преступлений. Исходя из этого, злоупотребить своим служебным положением мог любой, начиная с курьера, сторожа или канцеляриста и заканчивая высокопоставленным чиновником [11]. Благодаря данному подходу, встречались случаи уголовного наказания за злоупотребления по

службе старост молочных кооперативов и капитанов частных судов.

Советский период можно охарактеризовать как «время затишья» и в развитии института банкротства, так как прежние способы регулирования этих отношений были почти полностью забыты. Из-за специфики политического устройства общества исчезло даже само понятие «банкротство». Государство было единственным значимым участником в сфере банкротства. Отсутствовали какие-либо нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушения в данной сфере.

Тотальное проникновение государства во все сферы экономики России и её институты, представленные учреждениями, организациями и предприятиями, нашло своё отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Глава о должностных преступлениях Уголовного кодекса 1960 года не содержала специальных норм. Напротив, абсолютно все составы преступлений этого раздела были общими, то есть общественная опасность закрепленных ими преступных деяний оценивалась одинаково, независимо от того, были ли они совершены государственными чиновниками или работниками предприятий различных сфер экономики. Должностным признавалось лицо, постоянно или временно выполняющее управленческие административные функции в организациях любых организационно-правовых форм.

Приравнивание представителей практически всех профессий, имеющих пусть даже и весьма незначительные, управленческие функции, к должностным лицам вполне соответствовало характеру советской экономической и политической реальности, в рамках которой любые социальные образования являлись составными частями государственного механизма. Однако либеральные экономические и политические реформы 80-х годов, проведенные самим советским руководством, сделали такую систему должностных преступлений нежизнеспособной [\[12\]](#).

По историческим меркам быстрая трансформация политico-экономического устройства нашей страны сопровождалась неизбежным переходом от планового уклада экономики к рыночному. Сам процесс перехода происходил во многом спонтанно, без какого-либо четкого плана его осуществления. Так, В. Ф. Яковлев [\[13\]](#) отмечал, что на этом этапе истории нашего государства стремление как можно скорее невозвратно демонтировать старый строй возобладало над пониманием необходимости прежде создать ему адекватную замену, что, безусловно, привело к потерям, особенно ощутимым в экономической сфере.

Тем не менее нельзя не отметить и неоспоримые достижения этого периода, в частности принятие Конституции в 93-м и Гражданского кодекса в 94-ом году. Эти документы закрепили ключевые изменения, затронувшие все сферы жизни общества. Наиболее значимыми из них стали экономические: расширение границ экономической свободы, введение института частной собственности и возможности заниматься предпринимательством, а также масштабная приватизация, на тот момент преобладающей, публичной собственности. Всё это стало фундаментом для формирования совершенно новой экономической и правовой системы [\[14\]](#).

Однако тогда же вместе с позитивными изменениями в экономико-правовой сфере появились и проблемы, которые наше государство пытается решить до сих пор. Становление рыночной экономики, формирование многопартийной политической системы, уравнивание частной собственности с государственной привело к возникновению организаций, представляющих уже не общенародные интересы, а интересы определенных групп и отдельных лиц - корпораций с кардинально

отличающимися от государственных учреждений процессами функционирования и управления [15]. Руководители таких образований, уже не в полной мере подпадающие под понятие «должностные лица», оказались за периметром действия уголовно-правовых норм о должностных преступлениях. В частности, на этом примере видно, что скоротечный переход к рыночной экономике не был обеспечен соответствующим уголовно-правовым регулированием.

На начальном этапе подобные белые пятна пытались компенсировать расширительным толкованием законодательства, предложенного Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 30 марта 1990 года № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге». Это решение основывалось на том, что коммерческие корпорации и общественные организации состоят из нескольких физических лиц, следовательно, они представляют собой общественные объединения. Однако такая вольная трактовка противоречила как положениям Закона СССР от 9 октября 1990 года № 1708-1 «Об общественных объединениях» и Закона РСФСР от 24 декабря 1990 года № 443-1 (ред. от 24 июня 1992, с изм. от 1 июля 1994) «О собственности в РСФСР», так и базовой теории гражданского права (Хозяйственные общества представляют объединение капиталов, а не лиц. Вдобавок, два из трех типов хозяйственных обществ могут быть учреждены единственным учредителем и полноценно функционировать с единственным участником/акционером). В связи с этим подобная сомнительная практика была прекращена после отмены Верховным судом Российской Федерации ряда приговоров и прекращения ряда дел в отношении руководителей корпораций по инициативе Генеральной прокуратуры.

Подобный порядок вещей закономерно привел российских законодателей к необходимости переосмыслить основы привлечения к ответственности за служебные преступления. Плодом такого переосмысливания стал и ныне действующий Уголовный кодекс 96-го года, который, среди прочего, закрепил идею разграничения правовой природы государственной и частной службы. С его принятием руководители коммерческих и некоммерческих корпоративных организаций были выведены за пределы действия норм о должностных преступлениях.

В отличие от Уголовного кодекса РСФСР 60-го года, который содержал главу, посвященную исключительно должностным преступлениям, Уголовный кодекс РФ 96-го года разграничивает две похожих, но разных категории преступлений - «преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (гл.30) и «преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (гл. 23).

Подобная дифференциация четко обозначила разграничение в субъектном составе вышеупомянутых категорий преступлений: в дополнение к уже привычному термину «должностное лицо» возникла объективная необходимость выделить еще одну разновидность специального субъекта, а именно «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих и некоммерческих корпоративных организациях».

Конечно, в обоих случаях, указанных выше, речь идет о ненадлежащем использовании своих полномочий, однако, различается сама природа этих полномочий: полномочия государственного служащего основаны на публично-правовых нормах и осуществляются в рамках публично-правовых отношений. В то же время полномочия служащих корпораций в частном секторе возникают из договорных отношений и имеют частноправовую природу.

В отличие от государственных и муниципальных чиновников, чья основная обязанность — служить обществу, служащие корпоративных организаций в первую очередь должны заботиться об интересах корпораций и частных лиц, доверивших им управление своим имуществом. Обязанность служить обществу присуща им не в большей мере, чем любому другому гражданину, никаких должностей не занимающему. Как мы видим, круг обязанностей, как и объем полномочий служащих корпораций, существенно отличаются от таковых у служащих государственных и муниципальных, что невозможно не учитывать при уголовно-правовой оценке совершаемых ими преступлений.

При этом необходимо отметить, что сами понятия «должностное преступление» и «служебное преступление» отсутствуют в редакции УК РФ, действующей на момент написания данной работы, что и сегодня создает значительные затруднения при квалификации деяний, предусмотренных главами 23 и 30 Уголовного кодекса, принятого в 96-м году.

Современный этап развития отношений в области несостоятельности связан с принятием ряда законодательных актов, регламентирующих материальные и процедурные основы института банкротства, а также введением уголовной ответственности за нарушения надлежащей процедуры банкротства.

Первым таким законом стал Федеральный закон № 3929-1 от 19 ноября 1992 года «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Справедливая критика этого акта была направлена в первую очередь на то, что он закреплял одним из обязательных критериев несостоятельности “неоплатность”, что требовало длительной судебной процедуры подтверждения недостаточности имущества должника для оплаты долгов в каждом конкретном деле. Это, в свою очередь, означало необоснованный приоритет защиты интересов должника перед публичными интересами.

Федеральный закон № 6-ФЗ от 8 января 1998 года «О несостоятельности (банкротстве)» также не был лишен изъянов. Многие исследователи отмечают его ликвидационный характер, подчеркнутый невозможностью перехода от конкурсного производства к внешнему управлению [\[16\]](#).

Действующий Федеральный закон «О банкротстве» — это уже третий по очереди нормативно-правовой акт Российской Федерации, который регулирует отношения, связанные с банкротством. Хотя ученые отмечают ряд его недостатков [\[17\]](#), положительные изменения, вносимые им, бесспорны [\[18\]](#).

Важной составляющей действующего ныне закона является отождествление понятий несостоятельности и банкротства как событий гражданского-правового характера и закрепление главного его критерия — неплатежеспособности. Это прекращение исполнения должником части своих денежных обязательств из-за недостатка средств. Такое определение позволило согласовать интересы должника и кредиторов, четко определить границы между законным и преступным в сфере банкротства.

Введение законодательства, регулирующего отношения несостоятельности (банкротства), повлекло за собой установление и уголовной ответственности за преступные деяния в этой сфере, формы которых закреплены статьями 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации. В теории уголовного права такие преступные действия определяются как «кriminalное банкротство», «банкротские преступления» или «преступления, связанные с банкротством». Хотя эти определения в целом соответствуют содержанию, каждое из них имеет свои недостатки. С нашей точки

зрения, оптимальным считаем употребление обобщающего термина «преступное банкротство».

Проведенный в настоящей статье исторический анализ эволюции института ответственности руководителей за совершение преступлений против интересов службы в корпорациях позволяет сделать следующий вывод: осмысление на протяжении нескольких столетий вопросов уголовно-правового регулирования ответственности руководителей корпораций привело к осознанию различной правовой природы публичной службы и службы корпоративных структурах, влекущей недопустимость единого подхода к уголовно-правовой оценке злоупотреблений чиновников публичной власти и негосударственных служащих. Несмотря на кажущееся сходство, из-за указанных различий требуется разный подход к уголовно-правовой оценке и мерам противодействия данным, несомненно, разным по своей сути деяниям. Таким образом, появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в корпорациях однозначно исторически и экономически обусловлено и выгодно выделяет отечественное уголовное право на фоне зарубежных правовых систем [\[19\]](#), которые ещё не ввели подобного разделения, но лишь ведут подготовительные работы к таковому [\[20\]](#).

Библиография

1. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. С. 7.
2. Clarke, M. Business Crime: Its Nature and Control. Oxford: Polity, 1990. P. 258.
3. Bosworth-Davies, R. Analysis. Deviant Legitimacy – A Theory of Financial Crime // Journal of Financial Crime. 1996. № 1 (4). Pp. 7–16.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 384.
5. Горский А.Д. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства М.: Юридическая литература, 1985. С. 269.
6. Минькова А. М. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. С. 15.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Торговый процесс. Конкурсный. 4-е изд. М.: Бр. Башмаковы, 1912. С. 99.
8. Цитович П.П. Очерки по теории торгового права. Вып. 4: Вексельное право. СПб.: Типолитография Б.М. Вольфа, 1902. С. 21.
9. Кенигсон А. В. Проступки и преступления по службе государственной и общественной. Ташкент, 1913. С. 39.
10. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М.: Юриздат, 1948. С. 262.
11. Кожевников М., Лаговиер Н. Должностные преступления и борьба с ними. М.: 1926. С. 41.
12. Black, W. K. "Control frauds" as Financial Super-Predators: How "Pathogens" Make Financial Markets Inefficient. The Journal of Socio-Economics, 2005. Pp. 734–755.
13. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. М., 2012. С. 976.
14. Christophers, B. The Limits to Financialization. In: Dialogues in Human Geography, 2015. Pp. 183–200.
15. Pike, A., Pollard J. Economic Geographies of Financialization. In: Economic Geography, 2010. Pp. 29–51.
16. Глотов, В. И., Королев В. В. Совершенствование действующего законодательства по финансовому оздоровлению и несостоятельности (банкротству) в Российской Федерации

- // Экономические споры: проблемы теории и практики. 2002. № 1. С. 79–85.
17. Фролов И.В. Проблемы прокредиторской и продолжниковой концепции современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2011. № 4. С. 20–25.
18. Бобков А.В. Криминальное банкротство: криминологическая характеристика и противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 12–14.
19. Aubert J., Savaux E. Introduction au droit et thèmes fondamentaux du droit civil, avec annexe documentaire. 13e éd. Paris, 2010. Р. 520.
20. Bigaut, C. (1996). *La responsabilité pénale des hommes politiques*. Paris.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Эволюция отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам развития отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям определенного вида. Автором рассматривается эволюция отечественного законодательства, в том числе положений конкретных источников права различных исторических периодов применительно к отдельным преступлениям, связанным с деятельностью отдельных служащих против интересы службы в корпорациях. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения отдельных правовых актов разных исторических периодов и мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об эволюции отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из правовых памятников различных исторических периодов.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся исторический метод. Отметим следующие рассуждения автора: «Советский период можно охарактеризовать как «время затишья» и в развитии института банкротства, так как прежние способы регулирования этих отношений были почти полностью забыты. Из-за специфики политического устройства общества исчезло даже само понятие «банкротство». Государство было единственным значимым участником в сфере банкротства. Отсутствовали какие-либо нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушения в данной сфере. Тотальное проникновение государства во все сферы экономики России и её институты, представленные учреждениями,

организациями и предприятиями, нашло своё отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Глава о должностных преступлениях Уголовного кодекса 1960 года не содержала специальных норм. Напротив, абсолютно все составы преступлений этого раздела были общими, то есть общественная опасность закрепленных ими преступных деяний оценивалась одинаково, независимо от того, были ли они совершены государственными чиновниками или работниками предприятий различных сфер экономики. Должностным признавалось лицо, постоянно или временно выполняющее управленческие административные функции в организациях любых организационно-правовых форм. Приравнивание представителей практически всех профессий, имеющих пусть даже и весьма незначительные, управленческие функции, к должностным лицам вполне соответствовало характеру советской экономической и политической реальности, в рамках которой любые социальные образования являлись составными частями государственного механизма. Однако либеральные экономические и политические реформы 80-х годов, проведенные самим советским руководством, сделали такую систему должностных преступлений нежизнеспособной».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема эволюции уголовного законодательства интересна, так как позволяет выявить тенденции и особенности развития отдельных правовых институтов, что позволяет лучше понять их сущность. Сложно спорить с автором в том, что «Злоупотребление служебным положением было неизменным спутником власти на протяжении всего процесса развития общества. Что примечательно, данное явление возникало одновременно с формированием первых государственных институтов практически во всех государствах мира. Несмотря на признание использования служебного положения в личных корыстных интересах деянием опасным для общества и государства, на протяжении достаточно длительного периода времени наказуемыми были подобные злоупотребления исключительно публичных должностных лиц».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Проведенный в настоящей статье исторический анализ эволюции института ответственности руководителей за совершение преступлений против интересов службы в корпорациях позволяет сделать следующий вывод: осмысление на протяжении нескольких столетий вопросов уголовно-правового регулирования ответственности руководителей корпораций привело к осознанию различной правовой природы публичной службы и службы корпоративных структурах, влекущей недопустимость единого подхода к уголовно-правовой оценке злоупотреблений чиновников публичной власти и негосударственных служащих. Несмотря на кажущееся сходство, из-за указанных различий требуется разный подход к уголовно-правовой оценке и мерам противодействия данным, несомненно, разным по своей сути деяниям. Таким образом, появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в корпорациях однозначно исторически и экономически обусловлено».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению положений правовых источников

различных исторических периодов по теме исследования, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с эволюцией отечественного уголовного законодательства.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Волженкин Б.В., Глотов В.И., Королев В.В. и другие). При этом представляется, что источников и мнений других авторов представленного мало, что не позволяет раскрыть различные подходы по теме исследования.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы. Автору следует расширить библиографию.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам следует разрешить после расширения библиографии. Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным автором вопросам после расширения библиографии и комментариев автора статьи по различным существующим в науке подходам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, эволюция отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Известный специалист в области криминологической науки Б. В. Волженкин в своих трудах неоднократно подчеркивал

важность понимания основных принципов и закономерностей развития юридической науки. По его мнению, это понимание позволяет использовать веками совершенствуемые концепции, которые могут быть весьма эффективными и в контексте современных реалий [1]. Исходя из вышесказанного, в настоящей статье мы предлагаем проанализировать процесс эволюции отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний, совершаемых служащими корпораций с использованием своего служебного положения, уделяя особое внимание руководителям данных организаций". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем. а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... потребность в уголовно-правовом противодействии злоупотреблению полномочиями в сфере деятельности корпораций не была осознана вплоть до XVIII века. Это может быть объяснено тем, что российское предпринимательство долгое время развивалось в относительно простых формах, основанных на семейных связях, не требующих какого бы то ни было правового регулирования"; "Отмечая весьма казуистичный характер нормативной регламентации вопросов уголовной ответственности руководителей корпораций в Уложении 1845 года, необходимо также отметить, что именно этот документ положил начало обоснованию группы преступлений, связанных с нарушением интересов службы в корпорациях, а также способствовал решению актуальной на тот момент задачи по стабилизации промышленного и кредитного секторов экономики страны, что свидетельствует о крайней значимости этого нормативного акта для развития правовой системы Российской Империи"; "... на исходе XIX столетия в светлейших умах Российской империи произошло осознание того, что корпоративный сектор не может быть исключён из сферы действия публичного права, а нарушение служебного долга должно рассматриваться как преступление, независимо от того, является ли лицо, его совершившее, государственным служащим или коммерческим" и др. Таким образом, ученый выявляет основные тенденции развития отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях. Статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор в историческом срезе осуществляет последовательный анализ российского законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях, выявляя соответствующие пробелы и проблемы правового регулирования. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, учебниками), в том числе на английском и французском языках. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования (работа представляет собой общий исторический обзор отечественного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым руководителями против интересов службы в корпорациях). Научная дискуссия ведется

автором корректно; положения работы обоснованы в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенный в настоящей статье исторический анализ эволюции института ответственности руководителей за совершение преступлений против интересов службы в корпорациях позволяет сделать следующий вывод: осмысление на протяжении нескольких столетий вопросов уголовно-правового регулирования ответственности руководителей корпораций привело к осознанию различной правовой природы публичной службы и службы корпоративных структурах, влекущей недопустимость единого подхода к уголовно-правовой оценке злоупотреблений чиновников публичной власти и негосударственных служащих. Несмотря на кажущееся сходство, из-за указанных различий требуется разный подход к уголовно-правовой оценке и мерам противодействия данным, несомненно, разным по своей сути деяниям. Таким образом, появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в корпорациях однозначно исторически и экономически обусловлено и выгодно выделяет отечественное уголовное право на фоне зарубежных правовых систем [19], которые ещё не ввели подобного разделения, но лишь ведут подготовительные работы к таковому [20]"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории отечественного государства и права, уголовного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания).